

В рождественские дни наведася я в Орловское полесье, где был когда-то еще в молодости, работая в «Орловском комсомольце».

ЗУБРЫ ПОЛЕСЬЯ

В первый день с друзьями из Булатово мы побывали в тургеневском Льгове, у реставрированной церкви, помнящей еще натиск степи, древнетатарские набеги. Проехались по Жудро, по всем его закоулкам, где некогда были торфоразработки, существовала даже узкоколейка. Возвращаясь, обратили внимание на многочисленные курганчики справа от дороги, зеленые, припорошенные белым снегом. А на них — олени серыми пятнами, лежат себе на снежном насте. Подошли мы поближе, олени с леной отвалили в глубь леса. Лежки свои оставили. Лежки эти навевали мысль о захоронениях в курганах, об извечной борьбе леса со степью — о сечах, бранях, бранных годах истории древней Руси...

Второй день был главным. К дому около баньки подкаптал на козырях здешний егерь Александр Александрович Миронов — для друзей Шурик. Вместе учились ребята тут в Булатовской школе, дружат и по сей день. Егерь отменно сложен, улыбчив, с большой, спокойной внутренней силой, с неожиданными сине-голубыми глазами. Он — хозяин этого леса.

Считанные единицы зубров привезли лет десять тому из Беловежской пуши, из голландских, бельгийских зоопарков; стадо теперь насчитывает 98 голов — мощных, просто литых лесных красавцев, каждый до тонны весом. Нет нигде такого стада в Европе!

На Авдеевской поляне зубров 47 — стадо выхожено этим Добрыней Никитичем. А кем раньше был он, где работал?

— Шахтером, на Донбассе уголек добывал, долбил его, лежа на животе, — улыбается Ми-

ронов, сидя впереди, как бы на облучке. — А пласт там всего 0,7 ширины, полувертикальное бурение.

— Да ты герой! — говорю я и вспоминаю стихи Владимира Цыбина. — «Я работаю, как вельможа. Я работаю только лежа».

Смеется этот «вельможа» удивительному сравнению. А рядом с ним другой булатовец — Иван Антипин, тоже «вельможа», но поднебесный, наоборот, в монтажной люльке где-то в саратовском Балаково, на Волге, работает, на немыслимой высоте... «А мы монтажники-высотники»... Вот какие рядом со мной ребята!

А Булатово вытянулось во всю длину — от Льгова туда, на Мырино. Напротив, за неширокой, петливой луговой речкой Вытебеть, берущей начало от Девяти Дубов по Муромской дорожке, по которой хаживал некогда Илья Муромец, за белым полотном зимнего пейзажа, — длинная зеленая щетка хвойного леса. Это и есть Орловское полесье. Там и живут чудобогатыри орловского леса — зубры.

— Зубры — дети мои, — рассказывает Александр Александрович. — Мною всхожены. Я за ними летом километров за двадцать пять в калужские леса на лошадке ездю, возвращаю сюда, в родные места. А зимой они от меня никуда. Глядите, сейчас будут стоять на дороге, встречать.

И вот они — сгрудились на санном следу, ждут. Темная, бурая масса. Разворачиваются зубры перед лошадкой и трусцой назад к себе на поляну. А там — кормушки, дощаник с сеном, сушеной крапивой, висящей венчиками — это зверю от весеннего авитаминоза. И всюду следы пребывания зубров. Сказочно,

прямо как-то полельски. Тишина. Лишь хвоинки витают в хвойном настое воздуха.

— Сейчас мы их позовем, — говорит егерь. Берет колотушку, колотит ею о ствол, словно о гонг. Широкий, басовитый звук древа летит по-над лесом.

След в след, а то веером, семьями-кучками возникают зубры из дебрей. Темные на снегу, мохнатые с холки, рыжие бороды. Как львы! Мощный торс и четко подобран корпус, суховатые ноги для быстрого хода по лесу. Телята жмутся к своим матерям.

Еще раз колотушкой по стволу, еще! И из дебрей, как боги какие лесные, явятся еще и еще группы зубров — тянутся по семь, по двенадцать особей. Выступают, вышагивают по грудь в снегу, выбредают на эту поляну — на общий сбор, к своему егерю. Александр Александрович встречает их, хлопочет возле всех и каждого, общается со стадом, ходит по краю. Все же это звери — сами себе корм добывают в лесу, а тут им только подкормка.

— И не бойсья их, а? — спрашиваю я.

— Боялся сначала, — смеется егерь. — Когда было их штуки три. А потом они же при мне рождались.

Комбикорм из мешка Александр Александрович бросает горстями, а «дети» идут следом и схватывают еду прямо со снегом. И лишь у кормушек, где егерь бросает пучками сено, я замечать начинаю, что, крутясь возле «отца», сено хватают губами одни и те же зубры.

— Сложная у них иерархия, — поворачивается Миронов к стаду. — Такие бывают разборки! А вообще тут у них матриархат. Власть имеют не быки, а самки. Вот она главная — Машка! Молодая, умная, сильная, выдвигается в лидеры. А это вот прежний

лидер, Милка, с отбитым рогом. Видите, Машка от меня ее уже оттирает, от кормушки-то. А сама все возле меня, передает волю мою всем остальным. И все стадо прямо-таки на глазах разворачивается уже в ее сторону. Видите, иные к кормушкам так и не подойдут. Так и будут ходить стороной, сохраняя вроде бы независимость.

— А как же лошадка? — спрашиваем мы Шурика. — Не боится их?

— Она под моим патронажем, — объясняет егерь. — Как и вы, и другие гости. А есть и непрошенные, извините, нехорошие люди. В основном из так называемых дикарей — туристов. Оставляют в лесу всякий мусор, прошлым летом одних только пластиковых бутылок тысячу пять подобрал. А еще битые стекла, консервные банки. Нельзя же так, граждане! Это все-таки лес, уникальная флора и фауна, национальное достояние! Заповедное...

— Много работы? Трудно бывает?

— Какая же это работа? Это — служение... Помогают, конечно, другие егеря, лесники. По тонне за лето сена накашивают, возов по пять. Ну, и сам в сенокос тружусь без разгибу.

А зубры слышат его голос, прядут ушами. Лес спокоен и мудр.

Уезжали мы с Зубриной поляны, а Машка — эта мать полесья — бежала следом за Александром Александровичем. А за ней по лесной дороге тянулось все стадо. Мы приостановились, задержались и пили редкими вздохами острый, слаботекущий воздух, и думали о Красной книге, о судьбах зубра и человека, леса и человечества.

Леонард ЗОЛОТАРЕВ.